
ГЕНОЦИД В СВЕТЕ ПСИХОЛОГИИ САМОСОЗНАНИЯ

Г. М. ШАВЕРДЯН

Известные исторические события невозможно понять без широкого контекста всей истории человечества, без обращения к глубинным слоям бессознательного, без анализа траектории формирования самосознания и его роли в исторических процессах. Биография человеческого "Я" или самосознания не может быть исследована чисто внешними методами наблюдения; мы можем только фиксировать исторические события и задним числом рассматривать их с точки зрения степени участия в них человеческого "Я". И чем более безобразным и вопиющим оказывается событие, тем менее просматриваются здесь следы "Я" и тем более мы склонны рассматривать его в других, важных, но менее глубинных аспектах.

Геноцид армян 1915 года относится к таким событиям. Мы изучаем его различные аспекты, чаще всего фиксируясь на чисто внешних причинах и дальнейших последствиях. Так, исторический и геополитический анализ свершившегося определил причины поведения Османской империи в контексте мировых историко-политических событий начала века. Культурологический анализ позволил понять культурно-религиозные обусловленности события. Средства искусства многообразно запечатлели событие для последующих поколений и в назидание миру. Психология разработала механизмы, по которым стало возможным понять воздействие геноцида на этнопсихологию армян: комплекс жертвы, механизм идентификации и деидентификации с "палачом", проблема дегуманизации, эффект годовщины, психологическое воздействие события и т.д. Наблюдаемые среди армян неотступные воспоминания о геноциде, а также избегание этой темы позволяют говорить о том, что мы имеем дело с *посттравматическим стрессом на уровне нации*, поскольку навязчивость и избегание травмирующей темы являются основными симптомами посттравматических стрессовых расстройств.

Тем не менее, мы вновь и вновь пытаемся докопаться до глубинных психологических предпосылок события и ответить на вопрос: "Как вообще возможен геноцид?"

Отзвуки событий 1915 года звучат в душе каждого армянина, а упрек нового поколения миру возникает не только по поводу непризнания геноцида мировым сообществом и Турцией (если бы последнее произошло, то, согласно психологическому механизму заверщенного действия, это повлияло бы на генетическую память и ослабило бы воспоминания о событии), но и по поводу непонимания подлинных основ геноцида, в познании которого молодое поколение испытывает потребность. Непонимание это в подсознательных пластах психики юношей и девушек отзывается мучительным чувством лишения, которое на уровне сознания рационализируется через произвольно понятый патриотизм. Современная интеллектуальная образованность, скреще-

ние политических и экономических интересов сверхдержав, потребительская психология, постоянно убыстряющиеся обороты жизни и пр. не способствуют указанному пониманию и не восполняют это лишение.

Попытка сколько-либо прояснить проблему армянского геноцида в свете глубинных внутриспсихологических закономерностей отсылает нас к прошлому.

Древний человек жил в согласии с богами. Ему и в голову не приходило относить к себе мысль, а вместе с ней и решение, желание, чувство, судьбу. Если античный человек говорил: *“Кто из богов мне мысль подаст, над бедной мною сжалятся?”*, то для него это было не фразой, а атрибутом реального общения, наподобие теперешнего: *“прошу подать мне соль”*. Подлинная речь древнего грека сегодня может быть воспринята только как речевой оборот, тогда как речевой оборот нынешнего человека скорее будет воспринят как фантом. Эта длившаяся долгие столетия трансформация своим существованием обязана рождению самосознания: мысль, переставшая быть принадлежностью богов, стала собственностью человека. Последствием этого явилась возможность решения, целеполагания и выбора, поскольку среди мыслей, которые боги суггестировали человеку, были также (если не в первую очередь) такие, которые относились к моральным ориентирам. Э.Фромм полагал, что переход мысли как божественного дара к мысли человеческой стал ощутимым в течение 13-15-го веков, а до этого, на протяжении огромного отрезка времени до и после Р.Х., проблемы свободы выбора не было вообще или она только нарождалась¹. Но с отмеченного времени человек нацелился на самостоятельно выработанную мысль и индивидуально проживаемую жизнь. Наступили “сумерки богов”, в которых забрезжил луч индивидуально-го “Я” или самосознания - едва маркируемый отблеск Макрокосмического “Я”, Солнечного Духа - Христа. “Жизнь Христа, - писал К. Г. Юнг, - стала священным символом потому, что она является психологическим прототипом единственного вида осмысленной жизни, а именно той жизни, которая устремлена к индивидуальному, т.е. абсолютному и безусловному осуществлению свойственного ей закона”². Повторим это: “свойственного ей закона”, т.е. такого закона, который соответствует данной индивидуальной жизни, в противоположность “закону отцов”, ревностно охраняемому очередными “отцами”, одни из которых два тысячелетия назад пролили самую невинную кровь, которая когда-либо существовала или может существовать на земле, другие - 90 лет назад пролили невинную кровь вверенного Христу народа.

Апостольская, различным образом толкуемая мысль о том, что *“не было бы греха, если бы не было закона”*, рассматривается именно в этом контексте: если бы каждый доискивался до индивидуально добытой истины и индивидуально проживал жизнь, то не было бы греха (тирании инстинкта, долга, гордыни и еще многого прочего). Современные сектанты, этакие “божьи одуванчики”, любят говорить о Христе как о самом большом “одуванчике”, меж тем Он первый, будучи в материальном теле, посмел то, что не под силу никому - презреть законы отцов и установить законы индивидуального духа (не случайно, что один из его символов - лев).

¹ См.: Э. Фромм. Бегство от свободы. Минск, 2000, с. 85:

² К. Г. Юнг. О становлении личности. В кн.: “Конфликты детской души”, М., 1995, с. 194.

На чем, собственно, зиждется закон отцов? На крови, той крови, которая до Христа, а после Христа и без Христа, из поколения в поколение определяет судьбы человека и мира. Эта "кровь" яростно сопротивляется духу, который вступает с ней в тяжелую борьбу: *"Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч; Ибо я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью её, и невестку со свекровью"* (от Матфея, 10; 34,35).

История человечества отмечена внутриспихологическим конфликтом зоологической психологии и психологии спиритуальной. Уже ясный ум античности преподнес свидетельство восстания духа против крови и рода. Вот отрывок из комедии Менандра (около 320 г. до Х.Р.):

**"Мать! Слово "род" приводит меня в бешенство!
Хоть из любви ко мне не повторяй его
При каждом слове.
Те, кому природою отказано иметь в себе хорошее,
Вот те к камням могильным обращаются
И к роду: пересчитывают дедушек,
И ничего-то нет у них сверх этого.
И если кто-нибудь иль переехал,
Или лишился родичей,
Так что же он выходит их безроднее?
В ком от природы добрые наклонности,
Хоть будь он эфиоп, он благороден, мать!"³.**

Истоки цивилизации, если под ней понимать не только технический прогресс, проистекают отсюда - из таких сопротивлений духа роду (не следует только забывать, что под *природой* грек понимал именно *дух*, божественное). Человек, переживающий реальность в полном осознании своего "Я", всегда обнаружит "заготовленную" родом, а следовательно, навязанную тематику ожидаемого от него поведения. Американский футуролог О.Тоффлер называл окружающую человека атмосферу, принуждающую его к культурной идентичности, "психосферой". На протяжении тысячелетий психосфера расширяла свое пространство и поступательно слагалась в этнос как конечный пункт этого движения: семья - племя - род - народность - народ - этнос (для последнего не обязательно единство территории). Если в связи с этим движением мы рассмотрим фактор родственных браков, то окажется, что для этноса родственные браки *совершенно* нехарактерны, для народа они просто нехарактерны, но по мере приближения к семье частота родственных браков прибывает. Племя - сплошь основано на родственных браках, а следовательно, кровные узы жестко определяют содержание сознания и шаблоны поведения представителя племени. Эта тирания "кровью" в противоположность духу, который всегда свободен (*"Господь есть Дух, а где Дух Господен, там свобода"*, 2 Коринф. 3;17), преодолевается исключительно через индивидуальное "Я". "Утрачивая связь с контекстом своего рождения, - пишет П.С. Гуревич, - индивид получает возможность большего выбора в самоопределении"⁴. Это значит, что чем менее он обусловлен родоплеменным,

³ Менандр, Комедии. Фрагменты, серия "Литературные памятники", М., 1982, с. 330.

⁴ П. С. Гуревич, Культурология, М., 2003 с. 232.

тем более определяет свое поведение из собственного "Я". В племени кровные связи заменяют индивидуальное "Я", предоставляя, в частности, готовые формы групповой эмоциональности при совершении коллективного действия.

Что значит "более определяться из своего "Я"" на языке психологии? Это означает, что чем более человек самоопределен, тем более он *осознан*. Любой компетентный психиатр или клинический психолог скажет, что резать другого человека можно только в сумеречном состоянии сознания.

Это ни в коей мере не фанатичные националистические или религиозные идеи, распространенные в среде младотурков, как полагают многие аналитики геноцида. Это и не "идолы" сознания (Ф.Бекон) или ложные понятия, которые мешают аналитической работе мышления, пленят человеческий ум и затрудняют доступ истине. Это и не слепое подчинение имперским приказам, потому что, согласно психологическому механизму контраста, бессознательное восстает против всякого приказа. Нет, это — исходящий из глубин подсознания общеплеменной инстинкт, сужающий сознание человека до сознания зверя, потому что для идей, хотя бы ложных или фанатичных, необходимо "Я", здесь же мы имеем дело с *полым "Я"* - жутким замесом крови поколений, которые также отличились варварскими набегами и завоеванием городов методом вырезания органов тела его жителей (вспомним бесконечные походы турок в Европу).

Европа в глубокой древности перешла рубикон дикого общеплеменного инстинкта и осознала, что уже хорошо продуманная мысль ставит преграду кровопролитию. Королю Фридриху II приписывают следующие слова: "Если бы мои солдаты начали думать, ни один не остался бы в войске".

Генетическая память завоевателей сохраняет мнемические следы подобных действий, которые могут активизироваться при любом удобном поводе (события в Сумгаите иллюстративно подтверждают это). Современная психология доказывает присутствие в глубинном бессознательном содержания, связанных с подобными кровавыми сценами. Наряду с другими содержаниями т.н. перинатальных матриц в структуре бессознательного, автор трансперсональной психологии С. Гроф обнаружил аспект, связанный с последствием разрушительно-агрессивного прошлого, - запустение, груды развалин, искалеченные и изуродованные тела и пр. "Все эти наблюдения, - пишет он, - можно кратко выразить в неожиданном выводе: структура человеческой личности содержит — в бессознательном репертуаре перинатального уровня — функциональные матрицы, активация которых может вызвать сложное и реалистичное воспроизведение всех переживаний ужаса, агонии, полиморфного инстинктивного возбуждения и странного очарования, связанных с разнообразными формами войны"⁵.

⁵ Король Фридрих II (1194-1250) прославлен как единичный в своем роде феномен. Он посмел установить дружественные отношения с не менее просвещенным египетским султаном Малик аль-Камиллом на основании личного общения на темы науки, философии и поэзии. Знаток шести языков и арабской культуры, 18 февраля 1229 года Фридрих II одержал бескровную победу, войдя в святейшие Назарет и Вифлеем. Искусство находить общие внеполитические интересы, ориентир на общечеловеческие ценности, культура убеждения, эмпатия к мирным мусульманам были по достоинству оценены мусульманами, меж тем как папа Григорий IX отлучил его от церкви.

⁵ С. Гроф. За пределами мозга, М., 2001, с. 440.

Вознамерившаяся вступить в Европейский Союз Турция едва ли допустит повторную (которую по счету!) активацию подобного рода переживаний на физическом уровне, однако никому не следовало бы скидывать со счетов очевидный факт их искусственного сдерживания со стороны указанного Союза.

Групповая душа зверя живет одним общим духом вида, от которого она унаследовала поведение. Зверь никогда не выходит за рамки вида: у него есть поступь, но нет поступка, его действия предназначены и предсказуемы. Он никогда не разрывает плоть жертвы ради удовольствия, “инстинктивного возбуждения и странного очарования”. Совершающий резню, по словам Ф. Достоевского “хуже зверя, потому что артистически, художественно жесток”. Можно добавить: ниже зверя, потому что, превратив при удобном случае жажду крови в *цель*, человек при этом опускается ниже инстинктивной жизни зверя. Инстинкт как таковой и связанная с ним чувственность свойственны любому человеку, но как замечает Э.Атаян, “не всякая чувственность не свободна, а только чувственность *бессмысленная, бесчувственная, бессознательная* (утратившая связь с Я-центром), о ней здесь речь. Это общая для человека с животным сфера, где свобода посажена в камеру внешней случайности,... в которой одержимость или майя номер 1 и в объятиях которой свободен не я, а зверь во мне”⁶.

Почему турки в 1915-ом не применяли иные формы межэтнического конфликта, почему мы являемся свидетелями наличия варварских и отсутствия цивилизованных методов войны? Потому что в последнем случае предполагается просчитывать ходы, виртуально “разговаривать” с вражеской стороной, а возможно - договариваться, то есть, подключать рассудочные категории. Более того, во время непосредственного совершения кровавого акта варвары едва ли договаривались между собой: они просто испытывали суггестивное воздействие общеплеменного духа и, под мычание и рычание, выполняли кровавые действия. Инстинкт потому и слеп, что подчинен гегемонии замутненности сознания, напрочь выжигающей эмоциональное самоосознание (“*awareness*” по Ф.Перлсу) и сводящей эмоциональное знание к чудовищно-низменной экзальтированности. Вряд ли какой-либо турецкий военачальник отдавал специальный приказ вырезать плод у беременных армянок. Подобные “приказы” отдавало некое невидимое “чудовище”, которое, отняв личную волю каждого отдельного турка, объединило их в преступной жажде крови. Тот факт, что человечество распрощалось с крайне единичными фактами непосредственной инспирации благостных (как это было, например, в случае Орлеанской девы) или падших духовных существ, внушающих хищнические импульсы, не означает отсутствия таких инспираций. Одна из причин непризнания факта геноцида турецким большинством может скрываться в том, что свершившие резню так и не осознали, что были управляемы, а последовавшие за ними поколения так и не смогли представить свершившееся с точки зрения здравого смысла. “Такое не могло быть,” – рационализируют они, успокаивая подсознательных *эриний*,* гложащих генетическую память. Глубинное бессознательное турецкой нации несет в себе

⁶ Э. Атаян. Болезнь здоровых. Характерология и типология несвободы. Ер., 1997, с. 106.

* Мифические существа, репрезентирующие совесть и мучающие людей, не осознавших вину за содеянное.

груз терзающих архетипов прошлого и “ожидает” выступления мужественно-го политического деятеля - *своего* Аденауэра, - по мере человеческих сил принимающего и испупляющего.

Чрезвычайно важно осознать, что геноцид 1915-го являет собой первый выход апокалиптического зверя, возродившего отмерший, преодоленный и побежденный (поэтому в Апокалипсисе он назван *“зверем, у которого смертельная рана исцелена”*, Откровение 13;12) кровожадный атактистический дух мрака, выхлестнувшего ад на народ, впервые принявший апостольско-христианское причастие и совершающий постепенное обновление и самоосознание культуры. Естественно, что первыми жертвами геноцида должны были быть лидеры армянской культуры, а последовавший террор большевиков завершил дело обезглавливания идейного авангарда нации, от чего по сей день не может оправиться страна.

Приходится ли удивляться, что истребление 1,5 млн. армян было совершено в результате *тайного* или артикулируемого (что, по сути, не имеет значения) соглашения Ленина-Троцкого с Талаатом-Кемалем? Западная Армения, наряженная церквами и библейским Араратом, веками свидетельствовавшая всему миру об истинности христианского пути, таила опасность: импульс Христа постепенно укреплялся бы в душах и деятельно выступил бы во внешнем мире (*“И когда кончат они свидетельство свое, зверь, выходящий из бездны, сразится с ними, и победит их и убьет”*, Откровение 2; 4,7).

Сталинизм уже завершал уничтожение носителей духовных истин, когда отголосок дикого экстаза был подхвачен на другом конце. Второй зверь по выходе сразу оглянулся на первого. “Кто из живущих сегодня помнит про геноцид армян?” — вопрошал Гитлер. *“И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон. Он действует пред ним со всею властью первого зверя и заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому зверю, у которого смертельная рана исцелена”* (Откровение, 13; 11, 12). Дисциплинированная и хорошо организованная армия III Рейха — только маневр, отвлекающий нас от понимания внутреннего родства обоих геноцидов. Немецкая нация не вникала в интеллектуальные аргументы фюрера, она была зачарована: под его магнетическим гипнозом из подсознания высвобождался все тот же общеплеменной дух (здесь он назвался “доктриной чистоты расы”), изголовавшийся по крови и на сей раз замахнувшийся на самую *метафизическую* нацию на земле — немцев. Общность целей была очевидна: дегуманизировать мир, поставить мышление на колени перед могущественным инстинктом, затемнить сознание, задушить импульс свободы и преградить путь великому Духу, стучащемуся в души людей. Генерал фон Мольтке, которому предложили пост генерального интенданта армии фюрера, ответил предельно точно: “Я слишком погружен в размышления для такой должности”¹. Не размысленный требовал новоявленный вождь, а подчинения, ибо сам он подчинялся - подчинялся так, как может подчиняться пустое тело, не имеющее “Я”, как может подчиняться императивным галлюцинациям шизофреник-хроник, зомби, на котором удачно проделали операцию по ампутации сердца, заменив этот важнейший орган, призванный быть живым приемником Духа,

¹ Т. Равенскрофт. Копье судьбы. М., Крон-Пресс, 1998, с. 145.

на инстинктивный взвизг низменной оргии. Эта беспрецедентная операция была проделана на целой нации, слившей свое великое “Я” с гитлеровским *ничто* в точном соответствии с дзенской формулой: “Все - это один, один - ничто, ничто - все”. Из свидетельства И. Геббельса: “Я чувствую тепло, затем холод. Не знаю, что со мной происходит. Мне кажется, что я слышу пушечную канонаду. Чудо! Окружающие меня люди больше не чужие. Они — мои братья. Он больше, чем оратор, он — пророк!... Я не знаю, что мне делать. Мне кажется, что я сошел с ума. Я начинаю аплодировать. Никто не удивляется. С высоты трибуны человек бросает взгляд на меня. Его голубые глаза пронизывают меня насквозь, подобно пламени. Это приказ. Мне кажется, что я вновь рождаюсь на свет. Теперь я знаю, куда ведет мой путь.

Можно было бы подумать, что я пьян”⁸.

Каким образом может действовать человек, который подпал власти зверя, - резать по живому или душить газом - неважно. Главное - действовать с кастрированным “Я”, спяну, вслепую, с неузнанным повелителем в голове.

Абсолютным образом *наоборот* действует армянин. Ему не только хватает сознания на ведение грамотной и цивилизованной войны, но он активно участвует в любом решении вышестоящего, мгновенно и разносторонне подвергая его сомнению. Он умудряется вносить креативность в воинский приказ в ситуации войны (!), потому что его вынуждает воевать не массовое суждение, каким бы оно ни было оправданным с точки зрения национальных интересов, но исключительно твердая уверенность в своей *личной* правоте. Собрать армян в группу и побудить их к действию без предоставления им самостоятельности на всех этапах волевого акта (выбор потребности, внутренняя борьба мотивов, решение, действие) — задача невыполнимая. Этнопсихологический “эйдос” армянина - *одиночка*. Экстремальная индивидуальность армянина, часто приводившая к раздробленности и трудностям созидания государственности, исходит из его Я-центрированности и развитой рассудочности. Мысль для армянина, как нам кажется, стала личной собственностью раньше, чем у других народов, переживших античность и ренессанс (печать индивидуализации лежит на всей армянской культуре - от средневековых миниатюр до рельефных крестов), и это достояние - способность самостоятельно формировать мысль - приводит к доскональному исследованию тех содержаний, которые группе могут показаться само собой разумеющимися. Групповые отношения осуществляются армянином, выражаясь языком социологии, по модели “лицом-к-лицу”, поэтому группа армян представляет собой сложнейшую картину межличностного взаимодействия, где, согласно концепции К. Левина, едва обозначившееся *поле* взаимодействия динамически меняет свою конфигурацию. Армянин не позволит кому-либо осуществить смысл в его сознании по чужим интерпретативным схемам. Он соотнесет это со своим опытом и найдет адекватный модус “фигуры” и “фона”. Само собой разумеется, что о суггестии здесь не может идти и речи. Не характерно

⁸ Там же, с. 221. Напрашивается сравнение с другими впечатлениями — из воспоминаний Кагановича о Сталине: “В его образе не было ничего человеческого. Даже когда он иногда высказывал свои чувства, создавалось впечатление, что они были такими же фальшивыми, как маскировка танка. Под ней скрывался Сталин — кусок стали” (см. Р. Вурмбранд, Другое лицо Маркса, М., 1991, с. 33).

здесь также следование узаконенным “культурным консервам” (по терминологии Ф. Перлса), навязывающим шаблоны поведения и мышления, но свойственна постоянная обновляющая рефлексия над ними. Армянин не оставляет попыток перекроить на свой лад даже правила уличного движения! Эта неиссякающая креативная способность - во всем искать проблемную ситуацию и решать её ситуативно - облегчает принятие “культурных консерв” других народов. Отсюда, невзирая на усилия сохранить этнос в диаспоре, гибкая адаптируемость и ассимиляция в чужой культуре (турок в Европе — внешне и психологически — турок, армянин — почти, если не вполне, европеец).

Избирательная способность мышления армян связана с развитым самосознанием и прямо-таки шахматным модусом рассудка. Двое армян об одном и том же имеют не два мнения, а десять — по пять с каждой стороны (любопытно, что десять армян уже имеют не пятьдесят мнений, а только десять). Отсюда - трудности выхода из лабиринта рассудочной игры просчитывающего интеллекта. Между тем, два психологически “проработанных” и духовно продвинутых человека об одном и том же должны иметь всего одно мнение. Психическому складу армянина свойственно “послойное” осознание чего-либо “здесь и теперь”, но “пошаговое” просчитывание шагов сколько-либо отдаленного будущего ему не присуще. Он увлекается мыслительным “круговоротом” настоящего, между тем мудрость заключает в себе креативную мысль на все времена, ибо связывает мышление со Вселенной.

В быту армянин - сомневающийся, опосредованный, неуступчивый, рефлекслирующий, турок — сговорчив, непосредствен, простодушен, сладкоречив. Первый страдает от гипертрофии опосредованности в ущерб непосредственности, второй - от гипертрофии непосредственности в ущерб каких-либо опосредованных связей. В межэтническом конфликте первый - цивилизован, мотивирован исходящим из сердца сознанием справедливости, импульс второго - коварный общеплеменной инстинкт крови.

Крепкое “Я” и крайний эгоцентризм армян побуждает каждого из них быть вождем или героем, а герой, как заметил С. Булгаков в работе “Героизм и подвижничество”, *антисоборен*. Растворить “Я” в соборности ради абстрактной идеи единства армянин не хочет, идти обратно к сплоченности инстинкта — уже не может, объединиться на основе единства надличного “Я” еще не может. Потому что для этого необходимо равносильное духовному подвигу преодоление эгоизма своего “Я” и принятие “Я” как проводника Надмирового “Я”, ибо “Я”, как заметил Э. Атаян, есть не что иное, как “проводник Абсолюта”. А пока нет идеи, воспринятой душой каждого как *личный смысл*, армяне не найдут основания для единения и останутся на положении затворников. Сомнение как атрибут себялюбивого эмпирического “Я” должно быть постепенно заменено на точное знание Высшего “Я”, которое есть атрибут Бога. Армянину необходим переход от “сомнения в благодать” (Р. Штайнер), турку - от инстинкта в интеллект. Армянин центрирован на единичном (“Я”, самосознание, индивидуальность), но не дорос до Высшего общего, т.е. свободного осознания в себе Христа (без проглоченных религиозных *интроектов*), турок ориентирован на низшее, *наивно-простодушное* общее, но не дорос до единичного. Ориентация на “общее” выражается не только в мгновенной интеграции *стай на запах крови* в ситуации

конфликта, но и в последующей коллективной безответственности*. Симптоматично, что этой ориентацией обусловлен также исламский догмат о безоговорочной и фатальной предопределенности земных событий, который является прямой противоположностью идее апостола Павла о свободе и призыву к сотворчеству с Творцом. Предпосылкой к пониманию такого сотворчества служит признание в себе божественной искры или, по выражению прославленного мусульманского мистика-мученика Ал-Халладжа, "божественной ипостаси"⁹, которая несовместима с обязательством "совершения джихада по велению грешного халифа"¹⁰.

Непонимание подлинного духа христианства когда-то породило инквизицию, а сегодня - гнет материализма; непонимание мистических основ ислама, уводящих от бессловесной предопределенности, привело к основанию Османской Турции и современным мрачным планам создания вахабитской империи**.

Беспощадные события XX столетия, осуществленные *младотурками-большевизмом-гитлеризмом*, находятся на одной прямой. За последние годы к ним примкнул терроризм, инспираторы которого намереваются распространить свои действия по всему миру, но вовсе не в ответ на несправедливое отношение Запада к мусульманам, а благодаря выгодному для них факту, что политики мира *не догадываются* об опаснейшей цепной реакции, начавшейся с геноцида армян. Уже первое и самое поверхностное наблюдение указывает на общего врага этой чудовищной четверки — христианство, причем не в плане атеизма или известных истории *одиозных* религиозных войн, но в аспекте ясной цели: поставить других богов вместо Христа или, говоря языком психологии, лишить человека "Я", а человечество - Высшего "Я". Как обмолвился Маркс в переписке с отцом, "завеса упала, моя святая святых опустошена. Необходимо поместить туда новых богов. ...Я утратил небо и прекрасно знаю это. Моя душа, некогда верная Богу, теперь предназначена для ада"¹¹. Но еще более откровенно высказался на этот счет Адольф Гитлер, пророк замешанного на крови арийского бога: "Мы являемся врагами разума в гораздо более глубоком смысле, чем могут вообразить себе эти претенциозные буржуа. Почему меня должна заботить христианская доктрина бесконечной любви и моральной ответственности? С ледяющей ясностью я

* Идея санкционирования коллективной безответственности впервые, как нам кажется, была осуществлена в 661 г. после убийства зятя и двоюродного брата пророка Мухаммеда Али, убитого неизвестным лицом в мечети г. Куф. Выступившего против дворцовых интриг халифа Муавия внука пророка Хусейна ждала та же участь, однако никто из воинов не хотел брать на себя личную ответственность за убийство родственника пророка. Тогда была выработана форма коллективного убийства — Хусейна буквально разорвали на части (см. А. А. Радугин, Введение в религиоведение, М, 2001, с. 195). Примечательно, что именно эти события раскололи мусульман на шиитов и суннитов.

⁹ "Религии мира. История и современность", М., 1984, с. 92.

¹⁰ Там же, с. 184.

** То, что "ислам — самая молодая в мире религия, он еще не исчерпал своих потенций, сохранил жизненную силу и способен к экспансии", и эта экспансия трактуется как "завершение пророчества", - утверждают также современные приверженцы концепции "мусульманского возрождения" (см. А. А. Радугин, указ. соч., с.197).

¹¹ Р. Вурмбранд, указ. соч., с. 11-12.

противопоставляю этой доктрине великую доктрину о ничтожности и абсолютной незначимости индивидуума. ...Я освобождаю человека от потребности в духовной свободе и личной независимости, каковые могут вынести лишь очень и очень немногие люди"¹². Яснее не скажешь: Адольф Гитлер проговорился не только о себе, но неожиданно подвел итог геноциду армян, с оправдания которого начал. Подлинный враг младотурков – ДУХОВНАЯ СВОБОДА, ведущая к личной независимости, которую могли бы вынести "немногие" и повести за собой других. Вся остальная история геноцида 1915 года – производное от этой трагической вехи в "истории становления самосознющей души" (А. Белый).

История не может строиться исключительно на внешне видимых фактах. Исследования ноуменов феноменальных проявлений истории одновременно проясняют и завершают их осмысление. "Материальная и духовная эволюция мира, - пишет Э. Шюре, - два параллельные и соответствующие движения на лестнице бытия. Одна объясняет другую, а взятые вместе, они объясняют мир. Материальная эволюция выражает собой проявление Бога в материи посредством воздействующей на нее Мировой Души. Духовная эволюция представляет рост сознания в индивидуальных монадах и усилия их воссоединения через цикл жизней с Божественным Духом, из которого они изошли"¹³.

Как материальная, так и духовная история обоих народов показывает, что турки способны, если к этому найдется удобный повод, "с закрытыми глазами" пожертвовать другими народами, т.е. совершить жертвоприношение физически, армяне же ещё неспособны совершить жертвоприношение психологически, т.е. восстать против гегемонии внешних чувств и рассудка, отказаться от эгоизма обособленности и воззреть на мир глазами духа. Последнего, на уровне этнопсихологического рассмотрения, пока не достиг ни один этнос. Однако все больше людей по всему миру понимают мистериальный (не сектантский!) смысл праздника Пятидесятницы, который заключен в том, чтобы стряхнуть чары смешения языков (т.е. культурных различий) и найти способность изъяснять Слово. Человечество, осознавшее себя Единым "Я", составит настоящее единоедушное сообщество: "И по наступлении дня пятидесятницы все они были единоедушно вместе" (Деяния, 2;1). Они, т.е. апостолы, первые осознавшие себя едиными в истине, представляют благую "закуску" для всего человечества, которое чем ранее поспешит превратить нынешний упадок в подъем сил, тем скорее и вернее спасется от неудержимого полета в бездну терроризма и потребительской культуры. На пути к этому народы имеют разные миссии и стоят на различных ступенях духовной эволюции, но им придется объединиться во избежание пагубных действий следующего зверя, заострившего когти в попытке в очередной раз разодрать "Я" и преградить путь к объединению людей в духовной свободе.

Единственная в мире апостольская церковь не может не иметь особой задачи, а именно: заменить разъединяющие мир бесполезные богословские споры на культивирование животворящих истин. Возможно, именно это задолго до геноцида (150 лет назад) имел в виду французский арменовед В. Ланглюа в статье "Место Армении в мировой истории", писавший, что "если

¹² Т. Равенскрофт, указ. соч., с. 215-216.

¹³ Э. Шюре. Великие посвященные, М., 1923, с. 261.

и есть христианский народ, заслуживающий того, чтобы привлечь к себе симпатии Европы, то это именно армянский народ”¹⁴.

Звероподобный культ Османской империи, *человекоподобный* культ Сталина и нынешний попросту *удобный* культ материальных ценностей, направленный абстрактными разговорами о “правах”, не на одно столетие оттянули переход армянского народа из *париев в брахманы*. Но процесс перехода уже начат, и начало ему было дано еще в 451 г. при Аварайрском сражении. Это первое празднование духовной победы со всей явственностью проливает свет и на геноцид 1915 года: в подсознании армянского народа снова созревали духовные семена, и самое верное свидетельство этому - ярость турецкого ятагана.

Становится очевидным, что *основная причина кровавой расправы над армянами относится к области этнопневматологии (пневматология — наука о духе) и заключается в разделении отмершего, атавистического инстинкта крови и нарождающегося импульса духа, которому еще предстоит окрепнуть в отдельных индивидуальностях и со всей мощью выступить в мире. Потому что, если сон разума рождает чудовищ, то разум, бодрствующий только ради себя самого, никогда не будет знать покоя.*

Գ. Մ. ՇԱՀՎԵՐԴՅԱՆ - Ցեղասպանությունը ինքնագիտակցության հոգեբանության խնդրի փեսանկյունից. - Հոդվածում վերլուծված են ցեղասպանության հոգևոր հիմքերը, և ցույց է տրված «Ես»-ի կամ ինքնագիտակցության բացակայության ազդեցությունը ցեղասպանության գաղափարի ձևավորման վրա: Չուզահեռներ են անցկացվել երիտթուրքերի և նացիոնալ-սոցիալիստների հոգեբանական դրույթների միջև: Տրվում է «արյան հոգեբանություն» և «ոգու հոգեբանություն» հասկացությունների գաղափարական հակասությունը: Հեղինակը անդրադարձել է նաև հայերի և քուրդերի էթնոհոգեբանական տարբերություններին:

¹⁴ Цит. по: Э. Р. Гукасян, Виктор Ланглуа и его арменоведческие исследования, “Вестник Ереванского университета”, № 2, 1991, с. 54.